

Иванова Ирина Николаевна

ГЕОПОЭТИКА НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОПЫТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена проблемам геопоэтики современного художественного текста в отечественной прозе последних нескольких лет. Автор актуализирует одну из многочисленных современных интерпретаций понятия "геопоэтика" и рассматривает несколько моделей геопоэтического освоения города как особого типа пространства, предлагаемых писателями как уникальный личный культурно-психологический и эстетический опыт

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 80-85. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Учебные стратегии и приемы самостоятельной работы позволяют преподавателю четко определить объекты целенаправленного обучения, а студентам – осознать технологию автономной (самостоятельной) учебной деятельности.

Список литературы

1. **Аннотация к Основной образовательной программе по направлению 020400 Биология** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.s-vfu.ru> (дата обращения: 05.05.2015).
2. **Кожарская Е. Э., Даурова Ю. А.** Английский язык для студентов естественно-научных факультетов = English for Sciences: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. М.: Издательский центр «Академия», 2011. 176 с.
3. **Коряковцева Н. Ф.** Теория обучения иностранным языкам: продуктивные образовательные технологии. М.: Издательский центр «Академия», 2013. 192 с.
4. **Положение о самостоятельной работе студентов Северо-Восточного федерального университета** [Электронный ресурс]. URL: <http://s-vfu.ru/upload/iblock/a09/a09080d971c5fdd411332363289e88e1.pdf> (дата обращения: 05.05.2015).
5. **Шевцова Г. В., Москалец Л. Е.** Английский язык для технических вузов: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2013. 392 с.
6. **Mitteldorf J. J.** Biochemistry. M.: Pleiades Publishing, Ltd., 2012. Vol. 77. No. 7. P. 726-728.

ORGANIZING THE AUTONOMOUS WORK OF STUDENTS-BACHELORS IN FOREIGN LANGUAGE STUDY

Ivanova Galina Apollonovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Nikolaeva Tat'yana Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North-Eastern Federal University
ivangalena@yandex.ru; nikolaeva184@mail.ru

The article is devoted to the organization of the extra-curriculum foreign language studies under the conditions of autonomous (independent) educational activity at the non-linguistic higher school. The authors emphasize that students' autonomous work is aimed at the different means of information processing, developing the skill to render the text content by their own linguistic means and the skill to structure the information in the scientific style.

Key words and phrases: students' autonomous work; educational and cognitive competence; methodical provision; variability of the content of the educational activity; bachelor course; quality of the educational process.

УДК 82.091

Филологические науки

Статья посвящена проблемам геопоэтики современного художественного текста в отечественной прозе последних нескольких лет. Автор актуализирует одну из многочисленных современных интерпретаций понятия «геопоэтика» и рассматривает несколько моделей геопоэтического освоения города как особого типа пространства, предлагаемых писателями как уникальный личный культурно-психологический и эстетический опыт

Ключевые слова и фразы: современный литературный процесс; новейшая отечественная литература; геопоэтика; гуманитарная география; метагеография; пространство.

Иванова Ирина Николаевна, д. филол. н., доцент
Северо-Кавказский федеральный университет
ivanovairinna@mail.ru

**ГЕОПОЭТИКА НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
ОПЫТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА** ©

Новейшая отечественная литература (автор имеет в виду литературу последнего десятилетия – с середины так называемых «нулевых» до текущего 2015 года) обладает одним весьма интересным свойством: ее не всегда можно изучать традиционными литературоведческими методами. В известном смысле можно утверждать, что она все менее связана с классической традицией и классическим представлением о литературе (или же связана с ними как раз нетрадиционными способами, благодаря якобы преодоленному, но в действительности растворившемуся в ней постмодернизму). Литературное произведение все больше становится чем-то вроде литературного проекта (иногда нескрываемого коммерческого, но это уже предмет отдельного исследования) или личным авторским экспериментом, что по-новому ставит проблему художественности, документальности, психологизма и заставляет современного литературоведа искать новые подходы к изучению подобных текстов. И если традиционная парадигма литературоведческого исследования давно и плодотворно пересекается с историей, философией, психологией, социологией, политологией, культурологией и т.д., то сочетание научных миров литературоведения и географии все еще кажется чем-то странным и необычным – настолько, казалось бы, различаются их предметные области.

В современном культурном пространстве России одним из основных и наиболее перспективных направлений в гуманитарной области является, на наш взгляд, геоэтика и связанные с ней области научного поиска: гуманитарная география, метагеография (Д. Замятин), «метафизика ландшафта» (В. Подорога) и даже «география смысла жизни» (В. Ерофеев). Можно говорить о складывающемся междисциплинарном исследовательском поле, где в активном диалоге пребывают геополитика, туризм (в первую очередь внутренний), экономика (брендинг территорий), рекламная индустрия, этнография, культурология, «обновленная» география и, конечно, художественная литература и литературоведение.

Предметом геоэтики, строго говоря, должно считаться воплощение образа некоего пространства в тексте, преимущественно художественном, хотя существуют и другие – и многочисленные – интерпретации этого понятия, сравнительный анализ которых не входит в нашу задачу. Необходимо только заметить, что речь не идет лишь о типичном литературоведческом исследовании локального (регионального) текста, имеющем давнюю традицию и целые научные школы, посвященные, например, московскому тексту, петербургскому тексту, пермскому, кавказскому, сибирскому и прочим локальным текстам. Широко понимаемая геоэтика как явление, конечно, гораздо старше самого понятия, и в русской литературе ее генезис вполне можно возвести, например, к «Путешествию из Петербурга в Москву» Александра Радищева или даже к первому русскому травелогу – «Хожению за три моря» Афанасия Никитина. Кстати, оба названных текста имеют принципиально важную для геоэтики в нашем смысле особенность – они лично уникальны, отражают точку зрения и индивидуальность автора-наблюдателя. Легко представить путешествие из Петербурга в Москву, например, преданного Екатерине важного сановника, который бы – причем искренне – заметил и актуализировал в тех же точках пространства совсем иные явления и описал иные впечатления, материал для которых явно был. Вполне очевидно, что получилась бы совсем другая книга, и дело здесь не только в политической ангажированности или оппозиционности – просто другая оптика дала бы иную картину.

Автору данной статьи наиболее близка точка зрения Д. Н. Замятина, определяющего геоэтику как «некий аутопойсис земного пространства, то есть – видение себя внутри пространства. Ощущение себя не просто внутри некоего места, но попытка войти в какое-то пространство, ощутить свою творческую точку в этом пространстве. В этом смысле, геоэтика для меня всегда – интровертный проект. То есть всегда это попытка сделать пространство *внутренним*» (*курсив автора – И. И.*) [3, с. 154-155]. Акцентируется именно антропологический аспект пространства, вписывание себя (путешественника, наблюдателя, исследователя, автора текста) в это пространство. Результатом такого эксперимента (в том числе эстетического) будет уникальное событие, что-то вроде хайдеггеровского Здесь-бытия, но с более выраженным «географизмом», – экзистенциальное событие-переживание, воплотившееся в тексте. Предлагаемое Д. Замятиным определение геоэтики рассчитано в первую очередь на заинтересованного путешественника – в лучшем и высоком смысле этого слова. Если же этот путешественник еще и способен быть автором художественного текста о своем уникальном опыте – геоэтическое личное событие становится поэтическим и как таковое может быть предметом литературоведческой рефлексии.

В новейшей отечественной литературе существует немало замечательных произведений, интересных для геоэтического исследователя «регионального текста». Так, огромный и разнообразный материал для геоэтического литературоведения предлагает современная уральская проза, особенно А. Иванов, демонстрирующий читателю широкий спектр возможностей геоэтики как метода создания художественного текста (классические романы «Сердце Пармы...» и «Золото бунта...»), романы на современном материале, но тоже уральские «Географ глобус пропил» и «Блуда и МУДО») и как метода освоения, исследования территории (проект «Хребет России», «Message: Чусовая», «Ёбург»). Интересна новая северная проза, в первую очередь рассказы Д. Новикова, восходящие к классической малой прозе Ю. Казакова и «отцов-основателей» северного русского текста Б. Шергина и С. Писахова. Нельзя не отметить замечательный роман В. Авченко «Правый руль» (и единственный в своем роде словарь «Глобус Владивостока») – абсолютно геоэтическое исследование ментальности, культуры, экономики и быта Владивостока и написанный тем же В. Авченко в соавторстве с И. Лагутенко роман-антиутопию «Владивосток 3000». Во всех названных выше текстах очень силен субъективный, личностный момент, и, конечно, основная завораживающая читателя субстанция, превращающая уникальный авторский опыт во всеобщее достояние – любовь к малой родине и желание ею поделиться посредством создания художественного текста.

Хотелось бы выделить три таких произведения, необычных по авторской оптике, очень разных по своим задачам и художественной ценности, но объединенных общим стремлением авторов создать индивидуальную модель геоэтического освоения города как особого типа пространства. Это «Петербург как предчувствие. Шестнадцать месяцев романа с городом. Маленькая история большого приключения» Д. Макаровой, «Описание города» Д. Данилова и «Квартал» Д. Быкова. Три эксперимента – события в жанре «я-город»: не «я и город», не «я в городе», скорее «город во мне». Иногда больше «я», иногда – города, и почти всегда читатель ощущает «сопротивление материала»: уникальный опыт переживания города-как-события личной жизни словно не желает становиться всеобщим достоянием, растворяется в деталях и подробностях, которыми изобилуют все три текста.

В качестве предмета геоэтического исследования могут выступать разнообразные природные и культурные объекты, являющиеся принадлежностью различных природных или культурных систем. Это может быть, например, отдельный регион или страна в целом, горная система, озеро или река, сель, город, деревня, роща, луг, мыс или остров и т.п. Но нельзя не заметить, что чаще всего местом уникальной встречи события человека и геоэтического объекта становится город, поскольку это пространство по преимуществу

человеческое и множественностью живущих в нем и посещающих его людей бросающее вызов каждому из них: что я такое именно для тебя, что можешь ты понять и оценить во мне?

«Ценность и конечный смысл путешествия – в его развивающем воздействии на самого путешественника» [5, с. 58], и подтверждение этому читатель находит во всех трех книгах. Так, в книге Д. Макаровой «Петербург как предчувствие...» запечатлен уникальный опыт встречи-присвоения города мечты и пребывания в нем автора – молодой девушки, способной не только к ежедневному восхищению и «впитыванию» культурных ценностей, но и к эстетическому освоению Петербурга. Рассказ автора-героини сопровождается комментариями супруга, разбавляющего чрезмерный восторг («чудесный», «великолепный», «прекрасный», «восхитительный» на каждой странице) и вносящего иную субъективную интонацию. В авторских рисунках, сопровождающих повествование, герои всегда маленькие в городском пейзаже, но неизбежно присутствуют «в кадре», определяя направление читательского взгляда и, как в традиционной китайской живописи, не давая забыть, что точка отсчета – человек, причем именно вот этот.

В книге Д. Макаровой, которой удалось не слишком заслонить город собой, но в то же время показать свой индивидуальный Петербург, северная столица изображена как город воплощения личной мечты. Эта мечта, конечно, создается не исключительно воображением, но хорошим знанием уже существующего петербургского текста, петербургского мифа. Заметное авторское добавление к этому мифу – постоянная апелляция к фильму «Питер FM», хотя это скорее принадлежность поколения, чем собственно индивидуальное. К «поколенческому» можно отнести и подробное описание ужинов молодых супругов (что-то от моды на фотографирование и выкладывание в Сеть еды), которое могло бы раздражать читателя, если бы не описывалось с той же трогательной и радостной интонацией, что и прогулки по площадям и проспектам. Жанр книги обозначен автором как «роман с городом», и эта установка эмоционально окрашивает повествование, предельно акцентируя лирическое, «любовное» начало (в отличие от книг Быкова и Данилова). «Невозможно любить город, как живого человека, но с Питером получилось исключение из правил. Я мечтала о нем и видела во сне. Я любила Петербург до восторга, рвущего нервы» [4, с. 5].

Разумеется, авторское видение Петербурга подчинено большому геопоэтическому мифу о городе и определяется им, однако мифология культурной столицы иллюстрируется забавными типично петербургскими сценками, подсмотренными лично автором. Это диалог у памятника Пушкину, когда интеллигентный мужчина просит слишком бойких дамочек говорить тише, потому что из-за них не слышно, как разговаривает Пушкин. Это прелестная сценка в Юсуповском саду, разговор малыша трех-четырёх лет с отцом: «Послушай, папа, было бы неплохо, если бы мы смогли достать вон те яблоки. – Да, неплохо, малыш, но, к сожалению, не сегодня» [Там же, с. 203]. Это эпизод в книжном магазине, когда бомж покупает недорогую книгу об истории Петербурга, причем охранник магазина вежливо проводит его к кассе вне очереди. Автор восхищен тем, что человек, может быть, не имеющий денег на еду, тратит их на дорогую книгу о Петербурге. «Респект и уважение этому человеку. И этому городу, конечно, тоже» [Там же, с. 144].

Город «провоцирует» своих обитателей на геопоэтические зарисовки. Такова, например, остроумная классификация питерских обывателей или миниатюра о петербургских островах, встречу с которыми радостно предвкушает автор, – Каменный, Елагин, Крестовский... «Петербург – город островов, и эта особенность завораживает. Остров в моем понимании – нечто интригующее, я убеждена в этом с детства. Взять хотя бы любимые детские книги – “Остров сокровищ” или “Таинственный остров”: кажется, что на участке суши, со всех сторон окруженном водой, всегда происходят интересные приключения и сплетается интересный сюжет» [Там же, с. 99].

Петербург Макаровой – не просто «мой», но это Петербург, увиденный уральцем, что придает повествованию дополнительные геопоэтические коннотации. Урал присутствует в сознании героев и служит некоей точкой отчета (Урал – пространство дома, Питер – праздника, он не может и не должен стать домом, в финале герои возвращаются на Урал). В Петербурге другое небо – «низкое и оттого уютное, словно накрывает все вокруг светло-серым колпаком» [Там же, с. 9]. Автора восхищают дороги Петербурга – не столько сами по себе, сколько в сравнении с тем, что принято называть дорогами на Урале. И даже для сравнения петербургской окраины (отнюдь не прекрасной даже в глазах восторженного автора) с центром города неожиданно привлекается Нижний Тагил. Общее ощущение уральца (человека, живущего на границе континентов, о чем ему постоянно напоминают) от Петербурга: «Это уже Европа!..». Подводя итоги своего «романа с городом», в «Заключении» автор делает, может быть, неожиданный вывод о результате своего шестнадцатимесячного «путешествия»: «Раздвинули границы». Посетив фотовыставку «Мир глазами россиян» и увидев пейзажи Калифорнии, Исландии, Арктики, Сиднея, проникнувшись ощущением граждан мира, ребята приобретают новый взгляд на мир, возможность новых точек отсчета, включающих их в большой географический и геокультурный контекст, – возможность, подаренную Петербургом. Эксперимент завершился, однако вынужденное возвращение герои воспринимают не как поражение, но как успех: опыт расширения географического сознания, приобретения новых навыков общения, обогащение профессионального багажа (жизнь и работа в городе – не турпоездка). Авторы по личным обстоятельствам не стали петербуржцами, но пережили экзистенциальный опыт погружения в город, почувствовали, что Петербург изменил их самих и их представления о мире. Поэтому, кстати, герои называют его Питер – ласковое, даже интимное имя города, на которое, как чувствуют молодые ребята с Урала, они теперь имеют право. «И потому я бесконечно благодарна ему. Он дал нам столько, сколько нам и не снилось. Он подарил нам себя и новый взгляд на мир» [Там же, с. 6].

Иную модель геопоэтического освоения городского пространства предлагает в своем романе «Описание города» Дмитрий Данилов. Сама книга мало напоминает роман, это скорее экзистенциально-художественный

эксперимент: автор каждый месяц на один-два дня в течение года приезжает в некий город с целью абсолютно геопоэтической – «чужой город сделать “своим”, вжиться в него, полюбить» [2, с. 4]. Выбранный для эксперимента город должен соответствовать нескольким авторским требованиям. Не слишком маленький, но и не очень большой, не дальше ночи на поезде от Москвы, наличие реки, промышленности и желательного спортивного клуба, отсутствие толп туристов и множества «достопримечательностей», но там все-таки должно быть нечто, представляющее интерес лично для автора. Характерно, что этим «чем-нибудь» оказывается разрушенный дом некоего писателя, очень интересующего автора (Леонида Добычина, имени которого, как и прямого названия всех городских реалий, как и названия самого города – Брянска – автор так и не упоминает).

Данилов играет с читателем в «угадайку»: вместо того, чтобы просто назвать гостиницу, он сообщает, что ее название совпадает с названием крупного города на Украине. Так же он говорит о названиях улиц: «образовано от названия одного из месяцев, ну вот, например, Январская улица или Февральская, <...> только не Январская и не Февральская» [Там же, с. 15]. Главная же улица «названа именем очень известного человека, который в своей жизни совершил дикое количество немислимых, почти непредставимых злодейств» [Там же, с. 16]. Автор не описывает известных «достопримечательностей», ему интересно другое: опыт абсолютного погружения в жизнь города, здешние проблемы и детали быта, местную прессу, наблюдение за повседневным существованием горожан. Его внимание привлекает, например, избушка на склоне оврага: удивительно, как там что-нибудь может расти, разве дождь не смывает эту картошку или морковку? Ему интересна пожилая женщина с сумками, живущая в этой избушке: кто она, о чем думает, как странно, что она не представляет, что стала предметом наблюдения московского писателя и даже героиней его книги. С большим интересом он описывает диалог местных продавщиц, одной из которых выплатили отпускные в размере двенадцати тысяч, причем по равнодушному тону невозможно понять, много это или мало, и автор-москвич чувствует себя почти инопланетянином и видит, что не ориентируется в здешней системе координат вообще. Данилов отказывается от любого описания «достопримечательностей», например, от передачи читателю впечатлений от посещения монастыря, зато с упоением описывает сценки из местного быта: ссору юных влюбленных, скамейку с двумя полными женщинами (заметим вполне политкорректное «полные», а не высокомерное «толстые»). «Два мужика расположились на траве. Они обсуждают пиво и водку, особенности употребления пива и водки по отдельности и вместе, а также последствия такого употребления. У одного мужика “r” фрикативная, как и у многих жителей описываемого города. У другого – обычная, взрывная» [Там же, с. 131]. В тех случаях, когда «достопримечательности» все же попадают в авторский объектив, они воспринимаются весьма субъективно и не без иронии, как в краеведческом музее: «Кроманьонец своим обликом не особо отличается от наших современников, злоупотребляющих тяжелым физическим трудом в сочетании с интенсивным употреблением алкоголя» [Там же, с. 87].

Автор (он же главный герой) посещает хоккейный матч, затем подробно излагает содержание местных газет. Он подробно описывает «долгое тупое лежание в гостиничном номере перед телевизором, долгий тупой просмотр тупых телевизионных программ, и так до поздней ночи, страсть уныния – лютая штука» [Там же, с. 54]. Последнее замечание, кстати, проливает свет на первоначальный экстравагантный замысел автора-героя: описываемый им эксперимент – еще и попытка вырваться из-под власти этой пагубной страсти, представленной читателю не как «модная» депрессия, а как библейский смертный грех. Видимо, не все благополучно у героя, если он задумал подобный опыт.

Осваивая город, автор-герой отнюдь не пытается, как турист, выбрать «интересное», ему интересно как раз то, к чему равнодушны любители «достопримечательностей». Его опыт освоения-присвоения – это скорее смена экзистенциальных состояний, от «уныния» и скуки до сомнамбулического погружения в себя или «тихого оценивания», долгого неподвижного наблюдения за мелочами. Его завораживает ожидание электрички, как в детстве, когда восприятие времени было иным, потому что иной была степень свободы и возможность этим свободным временем с интересом распорядиться: «Встретить электричку. Просто так. Посмотреть...» [Там же, с. 31]. Он подробно, как в фильмах Тарковского, показывает читателю дорогу, никакими особыми пейзажами или красотами не примечательную, просто «долгую и какую-то странно прекрасную поездку» через весь город. И даже ритм фразы Данилова медленно-тягучий, даже усыпляющий, скучный маршрут описывается путем столь же скучного перечисления объектов, определяющих маршрут героя: вначале по такой-то улице, затем вдоль реки, минуя вокзал, затем снова по очень длинной дороге «мимо заросшей лесом темной пустоты». Дорога та же, что и вчера, но какая-то другая, будто уже уводящая из конкретного мира, размывающая его контуры. Зарисовки Данилова фактически «ни о чем», но они обладают каким-то странным обаянием, возможно, обаянием узнавания, поскольку жизненный опыт пространственных перемещений почти любого россиянина непременно содержит нечто подобное: «Автобус ехал мимо непонятно чего. Нет, серьезно. Это не для красного словца. Действительно автобус ехал мимо хрен знает чего. Не жилой район с жилыми домами. И не промзона с заводами, и не сельская местность» [Там же, с. 99]. Данилов мастерски описывает дорогу – не как путь из точки А в точку В, а как экзистенциальный феномен погружения в некую особую, промежуточную реальность, когда человек выключен из привычного быта и еще не включен в другую повседневность. «Такие короткие путешествия, в которых толком ничего не видишь, почему-то бывают очень приятными, как, например, январская поездка на вечерней электричке... тогда за окнами вообще ничего не было видно, кроме темноты, а все равно как-то хорошо, трудно объяснить этот феномен» [Там же, с. 50].

Такой подход дарит неожиданные открытия и подарки. Именно в этом почти лишенном «достопримечательностей» городе автор делает одну из лучших своих фотографий – всего-навсего опор пешеходного моста с колесами цистерн, проезжающих мимо, но в этом снимке удалось уловить «какую-то завораживающую

геометрию в тревожном мертвенном свете станционных прожекторов» [Там же, с. 34]. Таинственным образом этот фантастический снимок исчезает из фотоаппарата, но связанный с ним момент переживания красоты, гармонии и смысла – единственный момент для единственного человека на маленькой железнодорожной станции – останется с автором навсегда, как и переживаемая им «железнодорожность» [Там же, с. 113].

Эксперимент завершился успешно. «Удалось полюбить этот, прямо скажем, не самый веселый и красивый город на Земле, потому что побывать в городе двенадцать раз в течение года и так и не полюбить его – для этого надо быть какой-то совсем уж запредельной, безупречной, кристально-стальной сволочью. Да, удалось полюбить этот город. И описать его» [Там же, с. 253]. Правда, последние слова романа демонстрируют намерение автора никогда сюда не возвращаться, но это вполне объяснимо: подобный эксперимент нельзя повторить – ни с тем же городом, ни даже с другим, просто потому, что обаяние такого приключения как раз и заключается в этой невозможности.

Еще одна модель освоения пространства, в первую очередь городского, представлена в оригинальной книге Д. Быкова «Квартал». Жанр книги – балансирующий на грани пародии на популярные психологические тесты, тренинги, семинары и т.п., квест-дневник, где читатель вместе с автором должен пройти расписанную по дням программу внутреннего освобождения и самосовершенствования. Эта программа строится на принципах геопоэтического освоения городского пространства – прежде всего родного Квартала, где живет читатель. Квартал этот уникален: это не просто «ваша улица от перекрестка до перекрестка, квадрат, ограниченный двумя улицами и двумя переулками, со всеми кафе, магазинами, тайными ходами и скверами, которые там расположены» [1, с. 23], но непременно лично освоенный, субъективно окрашенный, что должны отражать данные читателем названия, например, Квадрат счастья, точка опасности или скуки, улица, где приходят хорошие мысли, «недоступная точка», «место, которое изменилось сильнее всего» и т.п. Быков демонстрирует собственную геопоэтическую субъективность, обучая читателя технологии конструирования воспоминаний. Так, детство автора, жившего тогда на самой окраине Москвы, заставляет его фантазировать и представлять за домами настоящий порт, море, корабли, и даже особый «небесный флот» [Там же, с. 21]. Заметим, что это советское детство читающего мальчика, романтика по определению, и вряд ли эти мечты, по-своему раздвигающие пространство обычной московской многоэтажки до горизонта и за горизонт, разделит современный подросток, ровесник того мальчика. Однако морской мотив, заданный когда-то автору обстоятельствами городской географии его собственной жизни, поддерживается всей книгой и передается как направление читателю, путь которого на последней странице игры должен завершиться на берегу моря. По мнению Быкова, «вредно всю жизнь жить в одном районе, где никогда не отделаешься от себя прежнего», но, с другой стороны, этот район должен служить своеобразной точкой отсчета, матрицей будущих геопоэтических экспериментов личности. Ведь, расширяя собственную географию, нельзя не столкнуться с тем, что многие известные туристические места мира необратимо испорчены пошляками. «А на эту вашу улицу они не придут никогда, и это гораздо более настоящий Париж, чем тот, в который вы рано или поздно попадете. Или уже попали – и все поняли» [Там же, с. 24]. Имеет значение не столько культурная ценность объектов твоей географии, сколько глубина и осмысленность ее переживания.

Не менее важными и значимыми для личности могут оказаться и виртуальные путешествия. Так, 2 августа читателю нужно путем сложных биографических вычислений попасть в определенную точку и прожить день, представляя, что он там, причем неважно, будет ли это Мадейра, как у автора, или Якутск. 15 августа нужно увидеть во сне город, символизирующий «внутреннее пространство, то Я, в котором все происходит» [Там же, с. 175]. У автора это типичный русский купеческий город с заросшим кладбищем, по которому его сопровождает сумасшедший, что проецируется на общекультурное бессознательное: «Путешествие по городу с безумным гидом – одно из самых архетипических сновидений... У Тургенева, Трифонова, много где еще» [Там же, с. 180].

Квартал расширяется (у автора и читателя) до России, причем «Россия целиком, вместе с пейзажами» попадает у Быкова в список того, чего «не жалко», а список «Мне жалко» включает дачу, «ялтинскую набережную от кафе “Ялос” до “Ореанды”», «смотровую площадку на Ленинских горах», «один пляж в Гурзуфе рядом с гротом» [Там же, с. 269], т.е. пространство очеловеченное, освоенное, навеки окрашенное собой. И попадая в конце игры к морю, в «пространство личного выбора», читатель, подобно автору, должен понять: «Одно из самых ценных ощущений во всем прохождении: я здесь и уже не здесь. И пока я здесь, я под защитой того “там”, где мое настоящее место» [Там же, с. 442]. Возможно, это и есть цель всех геопоэтических действий – личных путешествий, травелогов, художественных текстов и научных статей об этом «прекрасном и яростном мире», познаваемом личностью.

Список литературы

1. **Быков Д. Л.** Квартал: Прохождение. М.: АСТ, 2014. 446 с.
2. **Данилов Д. А.** Описание города: роман. М.: Астрель, 2012. 253 с.
3. **Замятин Д. Н.** Метагеография и геопоэтика // Введение в геопоэтику. Антология / сост. И. Сид; науч. ред. Е. Дайс. М.: АртХаус медиа; Крымский клуб, 2013. С. 154-157.
4. **Макарова Д.** Петербург как предчувствие. Шестнадцать месяцев романа с городом. Маленькая история большого приключения. М.: Центрполиграф, 2013. 415 с.
5. **Сид И.** Уголки шара: задача для Номо vagabundus // Введение в геопоэтику. Антология / сост. И. Сид; науч. ред. Е. Дайс. М.: АртХаус медиа; Крымский клуб, 2013. С. 55-60.

**GEO-POETICS OF THE MODERN DOMESTIC LITERATURE:
EXPERIENCES OF ARTISTIC ADOPTION OF AN URBAN SPACE**

Ivanova Irina Nikolaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
North-Caucasus Federal University
ivanovairinna@mail.ru

The article touches on the problems of geo-poetics of a modern literary text in the domestic prose of the past few years. The author actualizes one of the numerous modern interpretations of the conception "geo-poetics" and examines some models of geo-poetical adoption of a city as a special type of space introduced by the writers as a unique personal cultural-psychological and esthetic experience.

Key words and phrases: modern literary process; modern domestic literature; geo-poetics; humanitarian geography; meta-geography; space.

УДК 811.35

Филологические науки

В работе представлены результаты исследования кабардино-черкесских благопожеланий в аспекте гендерной дифференциации. Обосновано мнение о том, что формулы речевого этикета отличаются разной степенью гендерной маркированности, что обусловлено этнокультурными факторами. В частности отмечается, что традиционные благопожелания отличаются большей степенью гендерной маркированности, чем современные, а гендерная стратификация в современных благопожеланиях связана с адресантом.

Ключевые слова и фразы: гендер; формулы речевого этикета; благопожелания (хохи); стереотип; культура общения.

Князева Альбина Султановна

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
alramfo@yandex.ru

**ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫЕ ФОРМУЛЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА
(НА МАТЕРИАЛЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ)[©]**

Корреляции языка и культуры человека на протяжении веков вызывают особый интерес как у отечественных, так и у зарубежных лингвистов (В. Фон Гумбольдт, Э. Сепир, А. А. Потебня, А. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, Ю. С. Степанов, В. И. Карасик и др.). В последние десятилетия в связи с актуализацией лингвокультурологического направления изучение взаимосвязи языка и культуры становится краеугольным камнем многих исследований. Неслучайно поэтому широкое использование таких понятий, как «культура общения», «речевой этикет» [2].

Не вызывает сомнения, что речевой этикет представляет собой «неотъемлемый элемент культуры народа, его фоновых знаний, важная часть культуры поведения и общения» [8, с. 55].

Речевой этикет в целом и его формулы в частности являются одной из актуальных проблем современного языкознания. В лингвистике проведено множество исследований, посвященных как специфике формул речевого этикета в конкретных языках (русском, турецком, корейском и т.д.) [4; 9; 10], так и особенностям их использования в определенном дискурсе (формулы речевого этикета в дипломатических текстах, в эпистолярном романе и т.д.) [6; 7].

В рамках настоящей статьи анализируются кабардино-черкесские благопожелания (хохи), как наиболее типичные формулы речевого этикета. Материал для исследования был извлечен из словарей [3; 5], а также использовался материал, собранный автором (видеозаписи различных торжеств «*Фызышэ*» / свадьба – Хановы, «*УнэццIэтхэлыэIу*» / новоселье – Князевы, «*Кххуейпльыжь кIэрыцIэ*» / подвязывание копченого сыра – Кардановы, «*Гуцхэхпхэ*» / укладывание в люльку – Жигатовы). Целевая направленность статьи связана с выявлением гендерно маркированных благопожеланий (хохов) и определением степени гендерной дифференциации в синхронном и диахроническом аспектах.

В традиционной культуре кабардинцев в качестве адресантов хохов чаще выступали представители мужского пола. Однако такие торжества, как «гуцхэхпхэ» (укладывание ребенка в люльку), предполагали присутствие исключительно представителей женского пола. Соответственно, адресантами хохов выступали женщины. Кроме того, половая отнесенность адресата (ребенка) позволяет стратифицировать благопожелания по гендерным признакам. Благопожелания, адресованные мальчику, отличаются от желаний, посвященных девочке, например, адресат-мальчик: «*Фи цIалэ цIыкIум гьацIибл иIэну! Лпыхужь цытыкIэр и*